

сравнивать это прошлое съ настоящимъ, не служить великую службу человѣку? Развѣ мало хорошаго, свѣтлаго успокоенія даетъ воспоминаніе о прошедшихъ счастливыхъ дняхъ? Развѣ, наконецъ, мало живой, бодрой энергіи даетъ надежда на будущее? И вотъ, ставши на эту точку зрѣнія, Шопенгауеръ приходитъ къ убѣжденію, что истинная мудрость состоитъ въ умѣньшѣ находить нормальную пропорцію между непосредственными чувствами и рефлексіей, а въ частности—между сосредоточенностью на настоящемъ и способностью отрѣшиться отъ него <sup>1)</sup>. Только это и можетъ дать счастье человѣку, говоритъ онъ. Плохо тому, кого рефлексія лишила возможности полностью переживать живое содержаніе настоящаго и у кого она подорвала свѣжесть непосредственнаго чувства, но не менѣе плохо тому, кто такъ легкомысленъ, что ничего не знаетъ, кромѣ настоящей минуты и того, что ему представляется непосредственно. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ препятствіемъ къ наслажденію жизнью оказывается опять внутренняя неуравновѣшенность личности, — отсутствіе соотвѣтствія между душевными силами. И въ данномъ случаѣ источникомъ этого разлада оказывается преобладаніе рефлексіи надъ непосредственными чувствами.

Къ предыдущему можно прибавить еще только одно обстоятельство, которому Шопенгауеръ придаетъ первостепенное значеніе для счастья человѣка, это—темпераментъ. И источникомъ темперамента меланхолическаго, закрашивающаго всѣ впечатлѣнія въ мрачный колоритъ и дѣлающаго невозможнымъ наслажденіе радостями жизни, онъ называетъ „ненормальный перевѣсъ высшихъ способностей и силъ (то-есть умственныхъ) надъ низшими“ (т.-е. чувственными). Опять, стало быть, дѣло сводится къ внутреннему несоотвѣтствію въ жизненномъ строѣ личности.

Во всякомъ случаѣ, эта третья причина, отнимающая у жизни ея прелесть, будучи самой безысходной,—потому что темпераментъ дается отъ родителя,—вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ всего меньше общаго интереса и значенія. Поэтому мы на ней останавливаться подробнѣе не станемъ.

Что же касается другихъ двухъ причинъ,—недостатка „внутренняго содержанія“ и рефлексіи, то, сопоставляя эти явленія другъ съ другомъ, не трудно замѣтить, какъ близко они между собой соприкасаются. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи того, что Шопенгауеръ называетъ „внутреннимъ содержаніемъ“, человѣкъ ничѣмъ не способенъ непосредственно удовлетвориться и въ

<sup>1)</sup> Parerga, I, стр. 441.